С.И. БАРАНОВА

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник факультета истории искусства, Российский государственный гуманитарный университет
e-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

S.I. BARANOVA

Doctor habilitatus, associated professor History of Arts Faculty Russian State University for the Humanities
e-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ДВОРЦОВЫХ ИНТЕРЬЕРОВ: МЕБЕЛЬ

CREATING OLD RUSSIAN PALACE INTERIOR: THE FURNISHINGS

Работа осуществлена при поддержке гранта РФФИ. Проект № РФФИ 20-09-42021

Статья посвящена истории воссоздания дворцовых интерьеров XVII в. в Москве. Более детально представлен опыт историко-художественной реконструкции в «макете-дворце» в Коломенском в начале 2000-х гг., основанный, в том числе, на изучении описей дворца и современных ему памятников. Их сопоставление позволяет реконструировать интерьеры, привлекая сохранившиеся аналоги. Наиболее сложный вопрос «овеществления» описей связан с мебелью того времени, сохранившейся в собраниях российских музеев и проблемой ее изучения.

The paper deals with the history of reconstruction of the palace interiors of the 17th century Moscow. The wooden palace of Kolomenskoye was experimentally re-erected in the early 2000s on the ground of the written sources, the descriptions of the palace and the similar architectural monuments. In the recent comparative research more detail were engage, including the preserved analogues in the collections. The most difficult issue appeared to be the «embodiment» of

inventories to the real items of the authentic furnishings which are stored in the main museums of the Russian Federation.

Ключевые слова: дворец в Коломенском, царь Алексей Михайлович, описи, реконструкция, интерьер, усадьба, мебель.
Keywords: Palace in Kolomenskoye, Tsar Alexey Mikhailovich, inventory, reconstruction, interior, estate, furniture.

Интерес к интерьерным реконструкциям и разработке методов их осуществления получил практическое воплощение при создании экспозиции в «макете-дворце» в Коломенском [1; 2]. Царский дворец в Коломенском (1667–1767), подмосковной усадьбе царя Алексея Михайловича (1645–1676), просуществовавший столетие, в конце царствования Петра Великого (1672–1725) был отремонтирован (основные работы проводились с 1723 по 1724 г.). А в 2010 г. он был воссоздан на новом месте в пропорциях и формах подлинного здания. Ныне дворец представляет собой известный не только в Москве, но и в России объект музейного показа.

Воссоздание вызвало немалые дискуссии, но, вне зависимости от процесса «овеществления» и конечного результата, сама идея такого эксперимента, рассматриваемого как научное исследование, обладала определенной ценностью. Кроме того, важным моментом в работе над созданием дворца-макета стало углубление и обострение нашего восприятия декоративных особенностей этой архитектурной фантазии эпохи раннего Нового времени в России. Причем не только архитектурных и планировочных решений, но и уклада дворцовой жизни: пребыванию царя и членов его семьи, посещению послов, устройству быта, в том числе обстановке, где это происходило (1), [3; 4; 5; 6; 7].

Наиболее яркие (но и спорные) технологические и художественные вопросы оказались предсказуемо связаны с воссозданием интерьеров дворца и наполнением их предметами обстановки. Создание интерьеров Коломенского дворца стало не менее, а, возможно, и более сложной задачей, нежели строительство его объема, реальность которого определяло наличие обмеров, модели, достаточно богатой иконографии, а также широкими археологическими вскрытиями фундаментов здания (2).

Опыты реконструкции древнерусских дворцовых интерьеров имеют давнюю традицию. Они были сосредоточены в Москве, сохранив-

Рис. 1. Главный восточный фасад Коломенского дворца. Фридрих Вильгельм фон Бергхольц. 1740-е годы. Рисунок. Национальный музей, Стокгольм

шей большее, чем где-либо, количество памятников гражданской архитектуры XVII в. Первым таким опытом стала реставрация в середине XIX в. Теремного дворца Московского Кремля, которая в 1836 г. была поручена академику Ф.Г.Солнцеву и группе архитекторов, в которую входили Ф.Ф.Рихтер, К.А.Тон, И.Мироновский.

Известно, что обстановка и первоначальная стенопись дворца почти не сохранились. Ф.Г.Солнцев, занимавшийся реставрацией интерьеров и всей внутренней отделкой, пишет: «Эти терема, состоящие из девяти комнат, были чрезвычайно запущены» [9, с. 273].

Проекты восстановления фасадов Теремного дворца, хранящиеся в архивах, свидетельствуют об общем характере работ — проектировании «в стиле». Воспоминания Солнцева демонстрируют, что подход к восстановлению внутреннего убранства принципиально не отличался от восстановления архитектуры дворца. «Восстановление теремов начал я с дверных наличников… Чего нельзя было разобрать, то дополнял по общему характеру сохранившихся украшений. Тоже самое сделал и с обстановкой теремов. На чердаках и в подвалах загородных дворцов (Измайловском, Коломенском и др.) были найдены… древние… стул, кресло; по ним уже не трудно было сделать столько экземпляров, сколько требовалось для всех девяти комнат; — отыскался карниз кровати, для которой сделаны были подходящие по рисунку колонны; нашлись наволочки, подушки, ковер, вышитый царевной Софьей Алексеевной, стол, царя Алексея Михайловича; в селе Коломенском отыскали кафельную печку; так как некоторые кафели оказались испорченными, то пришлось сделать новые… Собравши весь этот скарб, дополнив недостаю-

Рис. 2. Фасад Коломенского дворца с восточной стороны. Из альбома «Древности Российского государства». Вып. 6. СПб., 1849–53. Хромолитография Ф.Дрегера по рисунку Ф.Солнцева

щая вещи новыми, сделанными по рисункам, тщательно составленным мной с разных древних украшений и предметов, возобновили терема» [9, с. 274].

Общество высоко оценило эту работу Ф.Г.Солнцева: в путеводителе 1916 г. восстановленный комплекс помещений представлен как «драгоценнейший памятник старинной русской архитектуры» [10, с. 113]. Отмечается, что стены и потолки расписаны в XIX веке художником Т.Киселевым по рисункам академика Ф.Г.Солнцева. Однако все остальные элементы, например, обстановка палат — «старинные стулья» [10, с. 116] или те же самые резные орлы [10, с. 113], не маркируются как «поновленные» или не аутентичные. Автор приводит описания внутреннего убранства теремов XVII века, как бы принимая восполнения за реальность и не относя их к реконструкции XIX в. (3).

Продолжением темы реконструкций интерьеров стало восстановление в 1856–1859 гг. под руководством архитектора Ф.Ф.Рихтера палат бояр Романовых в Зарядье. С целью достижения наибольшей достоверности в экспозиции были представлены древние артефакты и стилизованные объекты, созданные в процессе исторической реконструкции. Так, печи и часть мебели, изготовленные по проектам Ф.Ф.Рихтера, представляли собой творчески переработанные образцы древнерусских предметов интерьера.

Импульс от программных реконструкций Ф.Ф.Рихтера нашел отклик в осуществленных проектах восстановления дворцовых интерьеров, выполненных архитектором Н.В.Султановым в Москве. Начиная с 1891 г., во дворце Юсупова (вторая пол. XVII — нач. XVIII в.) архитектор,

опираясь на архивные источники и вещественные аналогии, создал множество детальных чертежей и рисунков, положенных в основу художественной реконструкции интерьеров палат [подробнее см.: 12]. Эти материалы были основаны, в том числе, и на известных ему описях Коломенского дворца, а также на воспоминаниях А.Лизека о столовой палате и сюжетах ее росписи.

Рис. 3. Прием посла Римской империи царем Алексеем Михайловичем. Р. Сторн. 1661–1662 гг. Из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII в.». Спб., 1903

В XX в. единственная известная реконструкция была выполнена в начале 1930-х гг. в музее «Коломенское» П.Д.Барановским и представляла интерьер служебного помещения Коломенского дворца, Приказной палаты (4).

От опытов реконструкций XIX в. воссоздание интерьера Коломенского дворца в начале XXI столетия отделяли уже более полутора веков музейной практики и появившийся барьер восприятия современной копии утраченного памятника как своего рода музейного экспоната. Дворец в Коломенском был избран в качестве образца реконструируемого исторического объекта, с тем чтобы стать своего рода «представителем» мастерства и образа жизни наших предков.

Этот выбор был оправдан и с точки зрения времени: именно эпоха XVII века (точнее, его вторая половина) стала тем резервуаром форм, композиций и сюжетов, на основе которых представление о древнерусской культуре сложилось в конце XVIII — начале XX в. сначала у историков и художников (архитекторов, декораторов и др.), а затем и у образованной части народа в целом. Стремясь реконструировать образы искусства эпохи Алексея Михайловича и его сыновей, создатели, в известном смысле, обратились к давней традиции русской науки.

Выбор был оправдан и с точки зрения типа сооружения и того материала, который подлежал реконструкции. Тезис о деревянном строительстве, извечном исходном пункте для рассуждений об особенностях русской культуры как одном из коренных ее отличий, давно принят (и даже отчасти гипертрофирован) национальным сознанием. Тем не менее, де-

ревянные дворцы Древней Руси, многократно упомянутые в письменных источниках, не дожили до эпохи научной фиксации. Отсюда — то значение, которое обретает опыт воссоздания наиболее сложного из известных нам образцов деревянного хоромного строительства на Руси XVII в.

Дело в том, что дворец в Коломенском с точки зрения сохранности — это исключение из правил. Построенный на пороге Нового времени, он благополучно пережил петровскую эпоху и простоял почти до конца XVIII в., то есть до времени, когда историческая ценность древних русских (как тогда выражались, «готических») сооружений начала понемногу осознаваться. Благодаря этому, его внешний вид и, что особенно важно для реконструкции интерьера, план были надежно зафиксированы. Это позволяло утвердить пространственную реконструкцию дворца на документальной основе, по крайней мере, в отношении внутренних пространств и их функций, а отчасти — и текстуры.

В современной исторической литературе нет обобщающего сочинения, которое позволило бы с достаточной точностью представить обстановку дворцовых интерьеров этого (не говоря уже о более раннем) времени. В концепции их воссоздания для Коломенского дворца пришлось специально собрать и проанализировать материалы для музейной реконструкции. Предполагался всесторонний, комплексный анализ таких источников, как опубликованные и неопубликованные письменные и иконографические материалы; немногие, чудом дошедшие до нас, подлинные вещи из дворца (как из музейных хранилищ, так и найденные при археологических раскопках на месте дворца с 1930-х по 2000-е гг.); предметные аналоги музейного хранения. Это сочетание информации давало определенные результаты, особенно с учетом того, что до 1670-х гг. памятник сохранялся и документально фиксировался профессиональными архитекторами.

Исследователи разных лет неоднократно упоминали значение описей для воссоздания древнерусских интерьеров, в том числе и Коломенского дворца. В 1928 году известный исследователь древнерусского искусства В.В.Згура писал о нем: «...старые описи позволяют до некоторой степени восстановить и внутреннее убранство этого замечательного памятника» [13, с. 13]. Были проанализированы не только описи царского дворца в Коломенском времени его существования (5), [14, с. 342, 343], (в том числе частично опубликованные в работах И.Е.Забелина (6), [14]), описи архитектора И.Ф.Мичурина (7), но и описи, современ-

ные дворцу или ненамного отстоящие по времени, то есть материалы по царскому дворцу в Измайлове (8), [16]; дворцам и патриаршим палатам в Московском Кремле [17]; «Розыскные дела о Федоре Шакловитом» [18], в которых описано убранство палат (дворца) В.В.Голицына и другие, в том числе и описи служебных помещений. К толкованию этих источников обращались И.Е.Забелин, Н.А.Бакланова [19], Н.Н.Соболев [20].

В качестве источника информации использовались и записки иностранных дипломатов, посещавших Коломенское после его возведения: антиохийского патриарха Макария и сопровождавшего его архидьякона Павла Алеппского [21], Адольфа Лизека [22], Адама Олеария [23], Августина фон Мейерберга [24], Кунрада фан Кленка (в тексте последнего, например, упомянуто о «большой прекрасной люстре из горного хрусталя с тремя ярусами ветвей, подвешенной в особой машине; ее несли 16 человек» [25, с. 401], которую подарили царю Алексею Михайловичу), Фридриха Вильгельма Берхгольца [26] и др.

Были привлечены и описания обстановки Московских приказов, позволившие составить представление о служебном быте XVII века [19, с. 79–80].

Документы, созданные с разной целью, различаются между собой полнотой описания (9). Например, описи «ветхостей» основное внимание уделяют сохранности интерьеров и предметов обстановки, требующих ремонта. Подробнее всего описаны палаты князя Голицына. Это своего рода энциклопедия быта просвещенного придворного, окружившего себя предметами роскоши царского уровня. Несмотря на отмеченные отличия, общая информация, полученная из всех документов, позволяет судить о дворцовом интерьере и его типовых помещениях.

Из сравнения описаний ясно, что типичные помещения дворцов, например, Крестовую и Столовую палаты, отличало сходное убранство. Как упоминалось выше, лишь описания дома князя Голицына отличается от трех остальных обстоятельнейшим включением предметов роскоши. Эта педантичность связана с конфискационным характером описи — в остальных случаях подобным предметам просто не уделяли внимания. Тем не менее, основной «костяк» хоромного убранства соответствует всем описям, а инородные предметы легко вычленяются.

Сопоставление описаний основных типов комнат в дворцовых помещениях XVII в. дает возможность синтезировать общие представления о наполнении помещений различного назначения, от парадных до

служебных, которые служат основой для достоверного воссоздания интерьеров, и позволяет выявить наиболее часто встречающиеся типы предметов (или элементов). Такими элементами, в первую очередь, становятся окна, двери, стены, пол и потолок. Частота упоминаний этих элементов в текстах описей позволяет создать их словесное описание, включающее мелкую фурнитуру, виды декора и материалы.

Анализ источников позволяет составить характеристику убранства интерьера: общие черты, полы деревянные, двери, окна; печи; декоративные ткани: обивка, ковры, драгоценные ткани; осветительные приборы: паникадила, шенданы, подсвечники; резьба: двери, наличники окон и дверей, подоконные доски, потолочные карнизы; орнаментальная и сюжетная живопись: «травное» и «бытийное» письмо; иконное письмо; мебель: лавки, скамьи, кресла, стулья, столы, шкафы и поставцы.

При определении круга вещественных источников, которые позволят наполнить реконструируемые интерьеры дворца интересными, в той или иной степени аутентичными деталями, способными передать ту среду, в которой проходила по-

Рис. 4. Интерьер Теремного дворца. Фото конца XIX в.

Рис. 5. Интерьер палат бояр Романовых. Фото 1890 г.

Рис. 6. Интерьер дворца Юсуповых в Москве. Фото конца XIX в.

вседневная жизнь русского двора XVII в., особую роль играют для восстанавливаемого интерьера предметы, сохранившиеся в музейных собраниях, о которых доподлинно известно, что они принадлежали тому или иному интерьеру. Такие произведения приобретают черты аутентичности для исследуемого периода, и их нахождение в интерьерах может быть обосновано. При работе с группой источников, объединенных этим признаком, в первую очередь следует обращать внимание на датировку, на стилистическое соответствие предмета и восстанавливаемого интерьера, на его социокультурный фон.

К особой группе относятся археологические источники. Многие из рассмотренных нами деталей интерьера являются вполне распространенным материалом в московской археологии, например, слюдяные оконницы, металлическая дверная и оконная фурнитура, печные изразцы. Убедительный результат был достигнут при реконструкции одиннадцати изразцовых печей дворца с использованием археологической коллекции изразцов, планов, аналогов среди печных изразцов этого времени и дворцовых описей [27–31].

Наибольшие трудности вызвал процесс «овеществления» мебели по письменным источникам. Судя по описям, мебель в русском быту, начиная с московского периода, представляли: образцы традиционной русской мебели (лавки, скамьи, поставцы, сундуки-укладки); ввезенные предметы английской, итальянской польско-немецкой и голландской мебели (стулья, кресла, кровати, шкафы «индейского дерева», шкафы «кабинеты», столы круглые с полами «на китайское дело» и т.д.), а также копии привозной мебели, изготовленные русскими мастерами в мастерских Оружейной палаты [20]. Среди них — ведущие резного и столярного дела мастера: Клим Михайлов, Ларион Юрьев и другие, делавшие все: от «столов резных с ножками» до «шахматных досок». Например, «с 2 по 28 июля 1686 г. Л.Юрьев с товарищами, резного и столярного дела мастерами, 20 человек, и столяры из станочников, 31 человек, делали в Палатах резного и столярного дела в новопостроенные каменные комнаты царевен кровати “гладкие”, шкафы, поставы с выдвижными ящиками, киоты с флемованными дорожниками, шкатуны, ларцы, погребцы, шапочники и “иные многие верховые дела”, а резные мастера вырезали штуки к большой кровати; Л.Юрьев получил на 19 работных дней вместо дворцового корма и питья жалованье из расчета по 2 деньги на день» (10).

Ясно, что меблировка царских дворцов отчасти следовала древнерусской традиции организации быта, а отчасти диктовалась новой европейской модой. В палатах сохранялись пристенные лавки, часто связанные конструктивно со стенами дома. Точнее, они были просто повсюду, в том числе и в служебных помещениях. Н.А.Бакланова отмечает: «…стены, убранные цветными сукнами или расписанные яркими узорами, столы, скамьи и лавки, пестревшие разноцветными обивками, капризные узоры слюдяных окон, яркие изразцы печей, живописно нагроможденные сундуки, коробьи и ящики, груды столбцов, разбросанных по столам — все это мало напоминало современную канцелярию с ее монотонным однообразием и сухим порядком» [19, с. 79–80].

Рис. 7. Стул в церкви упраздненного Ивановского монастыря в Москве. Из издания И.М. Снегирева «Памятники древнего художества в России» М., 1854. Литография

Этот вариант средневековой встроенной мебели оказался столь устойчив, что сохранялся в народной среде до середины XX века.

Одновременно умножались шкафы, столы, кресла и стулья нового образца. «В обстановку дворцов и домов избранной московской знати … уже с конца XVI столетия стали проникать предметы европейского производства» [32, с. 32].

Тем не менее, в середине XIX в. создатели музея в доме Романовых столкнулись с нехваткой мебели. При обсуждении вопроса о том, какую мебель, соответствующую эпохе Михаила Федоровича, необходимо поместить в интерьерах палат, были представлены три рисунка академика Ф.Г.Солнцева [32, с. 215]. Но то, что было использовано при воссоздании Теремного дворца, оказалось невостребованным в реконструкции Ф.Ф.Рихтера. Он вынес следующее заключение: «Мебель сия

хотя… древняя, но она тяжелая, и скорее имевшая назначение для духовных лиц, а не житейская, кровать… старинная, но не времени Михаила Федоровича… на рисунке же № 3 изображена мебель Новгородская, и потому ни по своей форме, ни в каком другом отношении для Романовского дома не подходит» [33, с. 190–248]. Таким образом задавались пространственные и временные рамки для аналогов, которым следовало отдавать предпочтение — пока еще очень нечеткие, с оговорками но, тем не менее, выявляющие определенный круг предметов, который мог оказаться в воссоздаваемом интерьере. Затем, «решили …недостающую (мебель — С.Б.) выполнить по рисункам Ф.Ф.Рихтера, сделанным с аналогов из Оружейной палаты, Теремного дворца, Костромского Ипатьевского монастыря, а также на основе миниатюр, грамот, тканей XVI–XVII вв.» [цит. по: 34, с. 30]. Среди них были скамьи и лавки, столы, мягкий стул с резным круглым медальоном с двуглавым орлом на спинке (11), выполненные, фактически, в неорусском стиле.

В настоящее время существует еще меньше образцов мебели этого периода.

В то же время в ходе исследовательской работы выяснилось много важного для источниковедения. Прежде всего, оказались ошибочными представления о значительном объеме фондов предметов мебели (традиционной, привозной, заказной по образцам и т.п.), бытовавших в свое время в России и сохранявшихся в музеях до наших дней. В крупнейших музейных собраниях (Исторический музей, Русский музей, ГЭ, Смоленский музей, Ярославский музей) они исчисляются единицами и являются редчайшими артефактами.

В первую очередь, это связано с частично передвижным характером использования мебели в ту эпоху. На основании описи Измайловского дворца А.В.Топычканов установил, что во дворце в отсутствие царской семьи оставались скамьи и лавки с полавочниками, столы, поставцы, иконы, завесы на окнах. Частично «номадическую» культуру двора отражают и описи вещей, которые возили в царские походы. В их числе — не только одежда и туалетные принадлежности, что было бы понятно, но и стул с подножием («ферязи теплые и холодные, кафтаны ездовые теплые и холодные, зипуны, епанчи, шапки, рукавицы, рукавицы “перщетые” (перчатки), ящик с туалетными принадлежностями, гребнями и зеркалами, посохи, “трубки присмотренные” (подзорные трубы), “солношник” (балдахин), ножи (в том числе клепики), серебряник с ло-

ханью и стоянцом, стул с подножием, штаны, ичетоги, башмаки, подвязки, часы») [36].

А.В.Топычканов полагает, что «только перед “царским пришествием” помещения дворца наполнялись предметами, необходимыми для проживания государевой семьи. Предметы мебели и обихода расставлялись в зависимости не только от назначения помещений, но и от пожеланий самого государя и членов его семьи. Поэтому иногда случалось, что кровать ставили в той же комнате, где находился трон, а столовое кушанье накрывали в крестовой. Для дипломатических церемоний в сенях и комнате, предназначенной для аудиенций, дополнительно развешивали гобелены, клали ковры, вешали паникадила, чтобы произвести впечатление на иностранных дипломатов» [7, с. 27; 37].

Рис. 8. Интерьер дворца в Коломенском. Современная реконструкция. Фото 2012 г.

Существуют упоминания об использовании во время дипломатических церемоний нескольких (трех) нарядов (в них входят паникадила, скатерти, посуда, трон и многое другое), их устраивали в зависимости от статуса посольства, значения переговоров и пожеланий государя, то есть Грановитую палату, например, каждый раз оформляли по-разному, в зависимости от того, какой из трех нарядов был предпочтительнее [38]. Можно предположить, что в Коломенском были использованы такие же готовые комплекты (наряды), которые возили из одного дворца в другой.

Хроническая нехватка мебели наблюдается в дворцовом быту и в XVIII в. [подробнее см.: 20, с. 291–293].

В этот бытовой ряд не укладывается неоднократное использование царских тронов — оно носило программный, церемониальный характер. Известно, что знаменитый трон первого русского царя династии Романовых Михаила Федоровича неоднократно использовали

при церемониях коронаций последующих представителей правящей династии.

Проблема наполнения реконструируемых древнерусских дворцовых интерьеров мебелью, которую мы наблюдаем с середины XIX в., в настоящее время усугубляется и недостаточной изученностью предметов, хранящихся в музеях. («Большинство предметов мебельной коллекции российских музеев крайне редко становились предметами специальных научных работ» [39, с. 119].) К подробному изучению мебели этого периода обратились лишь в последнее время, но монографическое исследование на эту тему, видимо, впереди [20; 32; 40–47]. Обнадеживает появление работ, в которых исследователи изучают редкие экземпляры мебели этого периода (кипарисовый сундук начала XVII в. [39, с. 119–128], немецкий шкаф из Патриаршего дворца [48]).

Ряд атрибуционных открытий связан и с наиболее значимым собранием мебели ГИМ, где представлены самые ранние произведения. Среди них — обитое кожей кресло конца XVI в. — самый древний предмет мебельной коллекции, стулья, скамья и столы XVII–XVIII вв.; складной стол XVII в. из палат царевны Софьи в Новодевичьем монастыре. В ГИМ также сохранился единственный в мебельных собраниях России ранний образец стола со съемной столешницей с резным краем, под которой находится отделение для хранения, выполненный в XVII в. Этот предмет интерьера является переходной формой от сундука-стола [подробнее об этих предметах см: 49–51].

Наиболее сохранившимся предметом мебели, который был наиболее подвижен в меняющейся обстановке, стал стул, способный «…продемонстрировать такое разнообразие вариантов и стилистических нюансов, которые вряд ли можно проследить на других предметах мебели» [35]. Наиболее ценные из них «стулы выходные», которые использовались в торжественных случаях, старались сохранить, тогда как другая мебель продолжала путешествия по любимым резиденциям русского царя.

Изучение вещевой интерьерной атрибутики позднего Средневековья далеко не закончено и требует дальнейшего поиска документальных и вещевых источников (12). Это делает музейную реконструкцию исторической среды уникальной областью, в которой прочно переплетены элементы научного исследования, атрибуции выявленных подлинников и художественного творчества, имеющие цель передать в музейном пространстве черты культурной и национальной идентично-

сти. По словам Л.И.Лившица, «она (экспозиция в Коломенском дворце — С.Б.) проектируется как живой музей, как образное пространство, в которое погружены, наряду с реконструируемыми, аутентичные предметы: в интерьерах будут выставлены подлинные иконы и предметы церковного убранства, шпалеры, мебель и многие другие вещи XVII–XVIII вв. из собрания МГОМЗ. И тем самым они будут возвращены в естественную для них среду» (13).

Примечания:

1. Этот интерес исследователей получил особое отражение в материалах конференции «Коломенское. Россия и Европа XVII века» [8].

2. Проблемы воссоздания объема, оставляя в стороне логистику инвенции «древнего» здания в современную городскую среду и среду заповедника одновременно, лежали в плоскости подхода к воссозданию: использованию тех или иных материалов, моделированию технологий деревянного строительства XVII в., вообще уровню научного подхода, превращению его в этно-археологический эксперимент.

3. В дальнейшем это привело к неточностям. Так изразцовые печи, сложенные в Теремном дворце в это время, зачастую представляются в современных изданиях как печи XVII в. (см., напр.: [11, с. 21]).

4. В 2004 г. интерьер Приказной палаты был обновлен, с сохранением, в основном, следов первой реконструкции.

5. Опись «Росписной список дворца села Коломенского» 1742 г. (Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1239. Оп. 1. Д. 486. Л. 8–42 об.), которую Забелин считал поздней копией несохранившейся «Описи в Коломенском дворце государевым хоромам и прочему строению, на 46 листах, 7185 (1677) года».

6. Полный текст описи см.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Ед. хр. 486.

7. «Доношение архитектора Ивана Мичурина в Главную дворцовую канцелярию об осмотре дворца в Коломенском с описанием “ветхостей”, сметами расходов строительных материалов и ценами на них» 25 мая 1740 г. (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 58–69 об., копия на л. 71–89 об.) (подробнее см.: [15, с. 169–176]).

8. Опись дворца и хозяйственных заведений в селе Измайлове. 1687 г. Собрание МГОМЗ. А-1062. УП-1253. Л. 1–12 об.

9. Благодарю О.А.Забалуеву за совместную работу по сопоставлению описей.

10. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 24431. Л. 1–3 об. Приношу благодарность М.В. Николаевой за предоставленный материал.

11. Стул был представлен на выставке «Сто и двенадцать стульев из собрания Государственного Исторического музея. Каталог» [35, с. 97].

12. За основу может быть взят подход к изучению. См.: Соловьев Н.К., Майстровская М.Т., Турчин В.С., Дажина В.Д. Всеобщая история интерьера. — М.: Эксмо, 2013.

13. Отзыв Л.А.Лившица. Копия, архив автора. К обсуждению концепции интерьеров дворца были привлечены ведущие специалисты в области древнерусского искусства.

Список литературы:

1. Музейная экспозиция (теория и практика, искусство экспозиции, новые сценарии и концепции) / под редакцией М.Т.Майстровской. — Москва, 1997.

2. Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев // Труды ГИМ. Выпуск 160. — Москва, 2006.

3. *Суздалев В.Е.* Русское чудо. Царский дворец в Коломенском — шедевр русского деревянного зодчества второй половины XVII — первой четверти XVIII века. Альбом. На русском и английском языках. — Москва: Пенаты, 2005. — 160 с.: 117 ил.

4. *Бусева-Давыдова И.Л.* Царские усадьбы XVII века и их место в русской архитектуре // Архитектура русской усадьбы. — Москва, 1998. — С. 38–49.

5. *Ачаркан Д.-М.И.* Дворец царя Алексея Михайловича в с. Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Выпуск 7. — Москва, 2002. — С. 11–60.

6. *Седов П.В.* Закат Московского царства, царский двор конца XVII века. — Санкт-Петербург, 2006.

7. *Топычканов А.В.* Повседневная жизнь Коломенского дворца второй половины XVII века. — Москва, 2010; [2-е изд., доп.]. — Москва, 2018.

8. Коломенское. Материалы и исследования. Сборник материалов научно-практической конференции «Коломенское. Россия и Европа XVII века». Выпуск 13. — Москва, 2010.

9. *Солнцев Ф.Г.* Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. — 1876. — Т. 16.

10. *Бартенев С.П.* Большой Кремлевский дворец. Дворцовые парки и придворные соборы: указатель к их обозрению. — Москва, 1916.

11. *Тихонов Ю.А.* Мир вещей в московских и петербургских домах сановного дворянства: (по новым источникам первой половины XVIII в.). — Москва: Кучково поле, 2008.

12. *Савельев Ю.Р.* Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма. — Санкт-Петербург: Спас, 2009.

13. *Згура В.В.* Коломенское. Очерк художественной истории памятников. — Москва, 1928.

14. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. — Москва, 2005.

15. *Баранова С.И.* Описи И.Ф.Мичурина как источник изучения материальной культуры XVI–XVII вв.: деревянный дворец и церкви села Коломенское // Российская археология. № 3. — Москва, 2018.

16. *Топычканов А.В.* Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века. — Москва, 2004.

17. Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел прежде бывших патриарших приказов В.И. и Г.И. Холмогоровыми при руководстве И.Е.Забелина. Том 1. — Москва, 1884.

18. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Том 4. — Санкт-Петербург, 1893.

19. *Бакланова Н.А.* Обстановка Московских приказов в XVII в. // Труды Государственного исторического музея. Выпуск 3: Разряд общий исторический. — Москва, 1926. С. 53–100.

20. *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. — Москва-Ленинград, 1934.

21. *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. — Москва, 1896–1900.

22. Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора римского Леопольда к великому царю московскому Алексию Михаиловичу, в 1675 году / перевод с латинского И.Тарнава-Боричевский. — Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1837. [2], 68 с.

23. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. — Смоленск, 2003.

24. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. — Москва, 1874.

25. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Ведову Алексеевичу. — Рязань: Александрия, 2008.

26. *Берхгольц Ф.В.* Дневник каммер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721–1725 год / перевод И.Аммон: [в 4 частях]. — Часть 1: 1721-й год. — Москва, 1857. — 271 с. — Часть 2: 1722-й год. — Москва, 1858. — 358 с. — Часть 3: 1723-й год. — Москва, 1860. — 292 с. — Часть 4: 1724-й и 1725-й годы. — Москва, 1862.

27. *Гра М.А.* Печи Коломенского деревянного дворца XVII века // Коломенское. Материалы и исследования. Выпуск 5. Часть 2. — Москва, 1993. — С. 272–286.

28. *Баранова С.И.* Изразцы из Коломенского дворца: трансформации художественных импульсов // Коломенское. Материалы и исследования. — Москва, 2011. — Выпуск 13. — С. 197–216.

29. *Баранова С.И.* Печи Коломенского дворца. Достоверность реконструкции // Музей. — 2011. — № 4. — С. 52–58.

30. *Баранова С.И.* Реконструкция изразцовых печей Коломенского дворца. Степень достоверности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. — Москва, 2014. — С. 56–72.

31. *Баранова С.И.* Опыт реконструкции древнерусских печей Московском государственном объединенном музее-заповеднике // К двадцатилетию высшей школы реставрации РГГУ: академическое искусствоведение, археология, научная реставрация сегодня. Материалы научной конференции. 2013 // Артикульт. — 2013. — № 12 (4/2013). — С. 81–82.

32. *Попова З.П.* Русская мебель XVI–XVII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Русское художественное дерево. Труды ГИМ. Выпуск. 56. — Москва: Советская Россия, 1983. — С. 7–56.

33. *Баталов А.Л.* Практика реставрации 1850–70-х гг. // Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации / под редакцией А.С.Щенкова. — Москва, 2002.

34. *Шуцкая Г.К., Трегубова Е.Л.* Старый дом на Варварке. — Москва, 2007.

35. Сто и двенадцать стульев из собрания Государственного Исторического музея. Каталог / составители О.Стругова, Н.Кологривова, Н.Перевезенцева, Н.Скорнякова. — Москва, 2000.

36. *Топычканов А.В.* Политическое пространство царских резиденций второй половины XVII в.: материальное измерение // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: Материалы научной конференции / ответственные редакторы Л.А.Беляев, А.В.Юрасов. — Москва-Вологда: Древности Севера, 2016. — С. 183–187.

37. *Топычканов А.В.* Коломенский дворец царя Алексея Михайловича: итоги и перспективы изучения // Коломенское: Материалы и исследования. Выпуск 13. — Москва, 2011. — С. 7–14.

38. *Топычканов А.В.* Царский пир от царя Михаила Федоровича до Петра — Москва: МГОМЗ, 2014. — 75 с.

39. *Данилова Н.В.* Кипарисовый ларь в экспозиции Патриаршего дворца // Художественные памятники музеев Московского Кремля в истории культуры XI–XIX веков. Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Выпуск 24. — Москва, 2014.

40. *Попова З.П.* Русская мебель XVI–XVII веков: диссертация … кандидата искусствоведения: 17.00.05. — Москва, 1973. — 205 с. + Прил. (152 отд. с. ил. в папке).

41. *Попова З.П.* Мебель Древней Руси XII–XV столетий // Советский музей. — 1985. — № 1. — С. 47–52.

42. *Попова З.П.* Русская мебель XVI–XVII вв. // Советский музей. — 1989. — № 4. — С. 60–64.

43. *Попова З.П.* Мебель Древней Руси // Декоративное искусство СССР. — 1972. — № 1. — С. 42–43.

44. *Попова З.П.* Русская мебель XVI век // Декоративное искусство СССР. — 1972. — № 3. — С. 45–48.

45. *Попова З.П.* Мебель XVII века / З.П.Попова // Декоративное искусство СССР. — 1972. — № 6. — С. 46–50.

46. *Ботт И.К., Канева М.И.* Русская мебель. История. Стили. Мастера. — Санкт-Петербург, 2003.

47. *Ботт И. К., Ефремова И. К., Канева М. И., Гусева Н. Ю.* Русская мебель. От петровского барокко до александровского ампира. — Москва: Трилистник, 2004. — 232 с.

48. *Данилова Н.В.* Немецкий шкаф XVII века из музея «Патриарший дворец» // Декоративно-прикладное искусство Западной Европы. Материалы и исследования. Выпуск XVIII. — Москва, 2006. — С. 364–372.

49. *Углева Н.В.* Коллекция П.И. Щукина: от частного собрания к публичному музею // Румянцевские чтения. Материалы всероссийской научной конференции (17–18 апреля 2012). — Москва: Пашков дом, 2012. — С. 293–299.

50. *Углева Н.В.* Формирование мебельной коллекции Исторического музея в 1890–1930-е гг. // Вопросы музеологии. — СПбГУ, 2014. — № 2 (10). — С. 111–120.

51. *Углева Н.В.* Коллекционирование мебели в России (XVI — первая треть XX в.) // Вестник РГГУ. — 2016. — № 1 (3). — С. 73–80.